

Бу Лююнь знал, что ему ни за что не удастся отведать этого — ведь Хуай Си был Божеством, управляющим законами мира. В Высшем мире все поговаривали, что Хуай Си холоден и беспристрастен, он созерцает мириады вещей, не имея ни капли личных желаний или помыслов.

А еще триста лет назад Бу Лююнь, совершивший множество злодеяний, подвергся Небесной каре и был заточен в Запретный павильон, где не видел солнечного света.

Однажды туда пришел прекрасный небожитель: он врачевал его раны, беседовал с ним и даже хотел освободить. Бу Лююнь предупредил юного небожителя, что за это его постигнет Небесная кара, но тот, никого не слушая, снял заклятие. В тот же миг его дух рассыпался в прах, и он погиб прямо на глазах у Бу Лююня.

Не зная, что предпринять, Бу Лююнь, сжимая в объятиях бездыханное тело юноши, нашел Хуай Си, который до сих пор жаждал его смерти, и взмолился: Спаси его, и я добровольно покончу с собой.

Бу Лююнь умер и воскрес вновь. Тот прекрасный небожитель, переродившись, стал культиватором, и тогда Бу Лююнь поступил в прославленную праведную секту, чтобы стать младшим братом-учеником юного небожителя.

Кто бы мог подумать, что наставник, долгие годы странствовавший в облаках, внезапно вернется в секту? Бу Лююню, как последнему из принятых учеников, пришлось по приказу в одиночку идти на встречу с учителем.

В полумраке книжной комнаты его наставник обернулся — человек, чья чистота была подобна ясному свету луны.

Это был не Даосский достопочтенный, а Бог Судеб — Хуай Си, с которым они терзали друг друга сотни лет.

Бу Лююнь, взвесив все за и против, решил прикинуться дурачком. Он подошел ближе и послушно, с самым невинным видом обратился к своему заклятому врагу, с которым его разделяла кровавая вражда, словно море: Учитель.

...

Хуай Си знал, что Бу Лююнь боится смерти и боли, но однажды этот великий демон, способный жить столько же, сколько небо и земля, добровольно склонил голову и решил принять смерть ради какого-то юнца.

Когда он вновь встретил Бу Лююня, тот, обнимая этого юношу за плечи, изображал жалкого беднягу и обиженно лепетал: Старший брат, я не хочу быть учеником Даосского

достопочтенного. Голос его звучал сладко и мягко — так Хуай Си еще никогда не слышал.

Бу Лююнь в шутку добавил: Старший брат, давай сбежим вместе.

Хуай Си внезапно вспомнил, что у него был один вопрос, который он хотел задать Бу Лююню: Когда черные молнии терзали твое тело, а тысячи мечей пронзали сердце, ты предпочел бы, чтобы твои кости превратились в пыль, но не стал бы просить меня о пощаде. Почему же теперь ты склонил голову передо мной ради него?

Ты — бедствие в трех мирах, ты — поток в Море желаний.

Как ты смеешь иметь сердце? И почему ты должен испытывать чувства к кому-то другому?

Но позже Хуай Си задал другой вопрос, он действительно был озадачен: Почему ты так сильно любишь его?

Бу Лююнь небрежно отмахнулся: Он когда-то умер ради меня.

И тогда Хуай Си еще больше недоумевал. Он хотел спросить: а кто еще не умирал ради тебя?

Ради того, чтобы спасти этого бессердечного демона, он вошел в Запретный павильон и, балансируя на грани жизни и смерти, вырвал собственную Божественную кость. Его путь к Дао был разрушен, и лишь спустя столетие мучительных страданий он едва сумел стабилизировать свой дух, чтобы не исчезнуть окончательно.

Прежде чем он успел найти Бу Лююня, тот вернулся сам, прижимая к груди юношу, и впервые склонил голову перед ним.

Ради другого человека.

...

С тех пор как Хуай Си стал его наставником, Бу Лююнь каждый день проявлял осторожность и перестал без разбора искать себе добычу. В ту ночь, когда он едва мог себя контролировать и только нашел подходящую цель, его остановил Хуай Си.

Божество, управляющее законами мира и лишенное всяких желаний, распахнуло ворота своих одежд и, подавшись вперед к настороженному Бу Лююню, произнесло: Разве ты не хотел узнать, каков вкус?

Своевольный и безумный великий демон-ученик × холодный снаружи, но одержимый внутри,

безответно влюбленный, но не желающий отступить, Божество-наставник.

Присутствует сцена соперничества, ученик слегка очаровывает всех вокруг.

Глава 2

Се Чжижун уже во дворце?

У Сяо Лина потемнело в глазах. К счастью, выражение его лица не изменилось, и никто не заметил, что что-то не так.

Вспомнив негодяйские слова тирана из романа, который послал людей в Резиденцию князя Хуай, чтобы забрать Се Чжижуна во дворец — все эти речи о том, чтобы принять наследного князя с почестями Императрицы, и о том, что Резиденция князя Хуай, будучи верной и преданной, наверняка не пожалеет сына ради того, чтобы разделить заботы Вашего Величества... В романе было особо описано, как холуи тирана с высокомерным и отвратительным видом, словно делая великое одолжение, требовали от Резиденции князя Хуай отдать наследного князя. Сяо Лин невольно коснулся своей шеи.

Шея была тонкой и длинной — так и просилась под топор.

Он уже ступил на путь, с которого нет возврата.

Электронный голос Системы прозвучал вовремя: Основной сюжет был активирован до вашего пробуждения. Желаю вам успеха.

Как он может добиться успеха, если уже настроил Се Чжижуна против себя!

— Ваше Величество? — Как один из самых доверенных холуев рядом с императором, Юй Юйцюань, пожалуй, обладал главным достоинством: он умел читать по лицам. Настроение императора было явно подавленным.

Хотя император и раньше был переменчив в своих симпатиях, еще никогда не бывало так, чтобы он охладил к новому фавориту, не успев даже как следует насладиться его обществом.

— Сколько времени Се Чжижун уже во дворце? — низким голосом спросил Сяо Лин.

Если он прибыл только что, Сяо Лин еще мог бы отправить его обратно, а затем со всей серьезностью принести извинения Резиденции князя Хуай.

— Уже... — холуй проследил за лицом императора и осторожно добавил: — прошло несколько

часов.

Винить можно было лишь самого императора, который слишком поздно вставал: он спал днем и просыпался лишь к вечеру.

Се Чжижун прибыл во дворец рано утром, а сейчас уже смеркалось.

Сяо Лин промолчал.

То, что он притащил Се Чжижуна во дворец, было известно всем. Многие чиновники, у которых дети обладали красивой внешностью, были объаты страхом, опасаясь, что следующим станет их ребенок. Кто мог смириться с тем, что молодые таланты, которым надлежало блистать при дворе, были похищены в глубокие покои и превращены в запертых птиц на потеху правителю?

Отправить Се Чжижуна обратно сейчас было уже поздно. Сяо Лин помнил, что, не желая оставлять Се Чжижуну пути к отступлению, тиран издал указ, повелевающий князю Хуай выбрать другого сына наследным князем, а Се Чжижуну — стать дворцовым наложником.

Это означало, что сейчас Се Чжижун — просто сын князя, а не наследный князь.

Если сейчас выставить Се Чжижуна из дворца, это будет выглядеть так, будто он наигрался им за несколько часов, а затем небрежно выкинул прочь.

Потеряв статус наследного князя и пережив такой позор, Се Чжижун вряд ли оставит его в покое.

Если же сейчас даровать Се Чжижуну титул, то слухи станут еще грязнее; сказать, что Се Чжижун очаровал императора своей внешностью, чтобы получить титул, будет самым мягким из них.

Юй Юйцюань осторожно наблюдал за лицом императора. Прежнее воодушевление как ветром сдуло.

Император был не в духе, и во Дворце Вэйян никто не осмеливался даже громко дышать.

Спустя долгое время Сяо Лин, решив взглянуть в лицо суровой реальности, произнес: Подготовить паланкин, идем во Дворец Тайвэй.

Отправить человека прочь уже нельзя, но Сяо Лин чувствовал, что еще может все исправить.